

УДК 82.0

КИРКЕГОР И КАФКА. ДНЕВНИКИ

Ромашкина М.В.

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, m.romashkina@mail.ru

---

Датский философ XIX века Серен Киркегор и немецкоязычный писатель XX века Франц Кафка жили в разное время в разных странах, писали на разных языках. Если Кафке мировую известность принесли художественные произведения, то Киркегору - философские трактаты. В статье приводятся сходства в векторе творчества авторов, отмечаемую как писателями (Х.Л.Борхес, А.Камю, Г.Гессе), так и исследователями (К.С. Мюнцер, В. Хабен). Дневники Серена Киркегора и Франца Кафки – это тексты, которые во многом схожи, как с точки зрения описываемого материала, так и с точки зрения внутренней структуры. Для исследователя дневники обоих авторов представляют интерес в первую очередь за счет того, что позволяют глубже понять создаваемые произведения. Именно дневники позволяют выявить, что повлияло на создание произведений писателей и, в частности, выявить влияние Серена Киркегора не только на творчество, но и на поступки Франца Кафки. Пристальное же внимание обоих к движениям мятущейся души, в первую очередь проявляющееся в дневниках, получило новый виток в сформировавшейся в XX веке философии экзистенциализма.

Ключевые слова: Литературоведение, мемуарная литература, дневники, История литературы, экзистенциализм

KIERKEGAARD AND KAFKA. THE DIARIES

Romashkina M.V.

Moscow State University n.a. M.V.Lomonosov, Moscow, m.romashkina@mail.ru

---

Danish philosopher of XIX-th century Seren Kierkegaard and the German writer of XX-th century Franz Kafka lived in different time in different countries and their masterpieces were written in different languages. Kafka is world famous for his fiction stories, Kierkegaard – for his philosophical treatise. However both writers (Jorge Luis Borges, Albert Camus, H. Hesse) and the scientists (K.S.Mutzer, W. Haben) point out that the writers have a lot in common with respect to what is written and how it is done. The diaries of these authors make it possible for the scientists to understand their prose in a more sufficient way. The diaries reveal what was the cause for the creating of various texts of the authors, they make it clear that Seren Kierkegaard influenced not only the fiction of Franz Kafka but also his behavior. The interest of the both writers to the process of soul-searching presented in their diaries influenced the forming of the Existentialism in XX-th century.

Keywords: Literature science, Memoirs, Diaries, The history of literature, Existentialism

Поскольку жанр дневника приобретает в современном мире все большую популярность, представляется важным рассмотреть на конкретном материале особенности создания дневниковых записей, проанализировать, какое значение имеют дневники в творчестве того или иного автора, какие черты дневника являются наиболее значимыми, а какие второстепенными.

Целью исследования является последовательное выявление особенностей дневникового жанра и его значения в творчестве С. Киркегора и Ф. Кафки.

Материал исследования: дневниковые записи С. Киркегора и Ф.Кафки.

Методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-исторический.

На первый взгляд датского философа XIX века Серена Киркегора и немецкоязычного писателя XX века Франца Кафку ничего или практически ничего не объединяет. Они жили в разное время в разных странах, писали на разных языках, Кафке мировую известность

принесли художественные произведения, а Киркегору философские трактаты. Вместе с тем, как писатели (Х.Л.Борхес, А.Камю, Г.Гессе), так и исследователи (К. С. Мюнцер, В. Хабен) отмечают определенные сходства в векторе их творчества. Так, Борхес отмечает у писателей изобилие религиозных мотивов, а Гессе говорит об определенном сходстве характеров, отмечая, что Кафка «часто впадал в отчаяние, так же как в свое время это случалось с Паскалем или Кьеркегором». Сравнение между Киркегором и Кафкой возможно отчасти из-за того, что на протяжении жизни оба создавали дневники, которые выполняли для обоих писателей сходную функцию. Как следствие, в их дневниках описания историй любви, борьбы с болезнью, с тем, что Киркегор называет меланхолией, Кафка – бессонницей, а современные психологи – депрессией, кажется черновиками одной и той же истории.

Киркегор вел дневники с 1834 года до смерти (1854 год). Однако нужно отметить, что записи в его ранних дневниках подвергались самоцензуре. Как следствие, многое было уничтожено. Дневники Кафки с 1910 по 1923 год в период его наиболее активного творчества.

Сходство их дневников проявляется, как уже было отмечено ранее, на функциональном уровне. Для обоих писателей дневник – это черновик, содержащий множество зарисовок будущих произведений, размышлений, которые впоследствии превратятся в полноценные работы, это короткие истории с тончайшей границей между вымыслом и реальностью. Однако присутствуют также элементы бытового дневника, и здесь в записях обоих авторов также можно отметить определенные сходства. Один из «сюжетов», возникающих у обоих писателей, – это помолвка. Данная в кратком изложении ситуация представляется практически идентичной: молодой человек искренне любит девушку, она отвечает ему взаимностью, родители не противятся предстоящему союзу, объявлено о помолвке, однако бракосочетания не происходит, так как молодой человек не чувствует в себе сил быть достойным мужем и отцом семейства. Помолвка расторгнута, а герой страдает до конца жизни, которая, впрочем, в случае обоих писателей была непродолжительной.

О Регине Ольсен, возлюбленной Киркегора, современному читателю известно совсем немного. Киркегор впервые встречает ее в 1837 году, когда ей едва исполнилось 15 лет, а в 1840 году состоится помолвка, которая будет им разорвана год спустя. Нужно отметить, что в XIX веке разрыв помолвки – ситуация не частая, но и не из ряда вон выходящая. Однако для Киркегора это событие было источником страданий на протяжении всей жизни. Мысль о необходимости выбора между Региной и Богом, предварившая мысль о необходимости разрыва помолвки («Будь у меня вера, я остался бы с Региной; хвала господу, что я наконец это понял; в минувшие дни я был близок к тому, чтобы потерять рассудок...» [17]), сменилась ревностью, когда в 1847 году Регина все-таки выходит замуж. Вот, что он

записывает в своем дневнике в этот период: «Она вышла замуж, за кого – не знаю, ибо когда я прочитал об этом в газете, меня словно хватил удар, газета выпала из рук, и желания снова ее раскрыть так и не возникла», и в другом месте – «Эта девушка доставила мне столько хлопот. И вот же – она не умерла, но счастлива и удачно вышла замуж...» [17].

О Фелиции Бауер, возлюбленной Франца Кафки, исследователям и читателям известно значительно больше. В 1912 году их познакомил ближайший друг Кафки, впоследствии его издатель, Макс Брод, и буквально через два дня после знакомства Кафка упоминает ее в своем дневнике: «15 августа. Бесплезный день. Я сонный, смущенный... Много думал — что за смущение перед написанием имени? — о Ф. Б.» [13]. В дальнейшем последует помолвка, а затем – разрыв помолвки, но переживания сохранятся вплоть до последних лет жизни: так, в 1921 году уже смертельно больной Кафка пишет в своем дневнике: «Можно позавидовать легкости, с какой от меня может избавиться всякий, кто поссорится со мной или кому я стану безразличен или надоем (при условии, что дело не идет о жизни; когда однажды казалось, что у Ф. дело идет о жизни, избавиться от меня было нелегко, — правда, я был молод и силен, и желания мои тоже были сильными)» [13]. Примечательно, что Кафка был знаком с историей Киркегора, и именно это влияет на последовавшее решение: так, в 1913 году, когда состояние душевного здоровья Кафки максимально критично («Мучительное утро в постели. Единственным выходом мне казался прыжок из окна» [13]), он замечает: «как я и думал, его (Киркегора) судьба, несмотря на значительные различия, сходна с моей, во всяком случае, он на той же стороне мира», а спустя три года возвращается к этой мысли: «Откажись от безумного заблуждения и не сравнивай себя ни с Флобером, ни с Кьркегором, ни с Грильпарцером. Это совершеннейшее мальчишество» [13].

Еще одна тема, объединяющая дневники Кафки и Киркегора – это подробное описание течения болезни, от которой страдают обо писателя. Как следствие и у Кафки, и у Киркегора изредка появляется идея самоубийства, однако достаточно редко, что легко объяснимо религиозной позицией философа. Болезни, от которых страдают оба писателя, определяются ими по-разному. Киркегор чаще называет ее «меланхолия» («в дополнение к широкому кругу знакомых, с которыми у меня весьма поверхностные взаимоотношения, у меня есть один близкий друг: моя меланхолия»). Другое название этой болезни, упоминаемое Киркегором – это уныние (*tungsind*). Упоминания этого недуга впервые появляются в дневниках Киркегора в середине 1840 годов и остаются до самых последних тетрадей. Болезненное состояние Кафки сопряжено не только с душевным, но и с физическим состоянием. Туберкулез, ставший официальной причиной смерти, проявится только в 1917 году, но уже с 1910 года, с самых первых дневниковых тетрадей, читатель узнает о физической слабости Кафки, что негативно сказывалось и на его душевном состоянии.

Начиная с 1910 года на страницах его дневника появляются следующие замечания: «Когда я сажусь за письменный стол, то чувствую себя не лучше человека, падающего и ломающего себе обе ноги в потоке транспорта на Place de l'Opera» [13], и этот мотив сохраняется до 1922 года: «То была лишь усталость, но сегодня новый приступ, вызвавший испарину на лбу. Что, если сам собой задохнешься? Если из-за настойчивого самонаблюдения отверстие, через которое ты впадаешь в мир, станет слишком маленьким или совсем закроется? Временами я совсем недалек от этого. Текущая вспять река» [13].

Для обоих авторов функция бытового дневника – это самонаблюдение, попытка описать собственное состояние с целью понять его, осознать и, возможно, излечиться. В современной психиатрии, например, ведение дневника – это один из методов лечения депрессии. Вместе с тем, совпадения на уровне бытового дневника в текстах Киркегора и Кафки обусловлены тем, что для последнего были доступны тексты, в частности дневниковые, философа, и их влияние очевидно.

Еще одна значимая функция дневников для обоих авторов – это создание записей, которые впоследствии будут включены в полноценные произведения. Дневники Киркегора в этом отношении достаточно сложно рассматривать с точки зрения черновика, так как они наполнены размышлениями о противопоставлении эстетического и этического, о христианстве, о нравственности. Все эти темы впоследствии найдут отражение и в его философских трактатах, однако на уровне текста совпадений не так много. Однако в дневнике также присутствует немало отсылок к будущему «антиавтобиографическому» роману «Дневник обольстителя». Мысли о человеке, пытающемся кого-либо обольстить, появляются в дневниках Серена Киркегора еще в 1834 году, когда автор записывает в своем дневнике: «Он не тот человек, который пытается обольстить кого-то. Напротив, он пытается предостеречь их от такого шага...» [5]. Однако это еще ничего не значащие черновые записи. Размышление же непосредственно о тексте романа появится позже, только в записях от 1841-1842 года – «Реплика одной обольщенной девушки: пощадите меня, освободите от вашего сострадания. Вы не понимаете ни моей печали, ни моего счастья. Я люблю его также сильно, и мое единственное желание – еще раз быть молодой, чтобы еще раз быть обманутой им» [5]. Это тоже своего рода зарисовка к роману «Дневник обольстителя», впрочем, так и не нашедшая отражения в тексте романа. С другой стороны, этот возглас «обольщенной девушки» ничуть не противоречит созданному образу Корделии – ведь в романе, как и в приведенном отрывке, нет жалоб, проклятий. Корделия не сетует на то, что познакомилась со своим обольстителем и полюбила его.

Любопытна также запись, сделанная в конце 1842 года. Она начинается заголовком: «Дневник Обольстителя. №2. Попытка демонического от Йоханнеса Мифестофелеса». В

этой зарисовке снова возникают знакомые читателю персонажи – Корделия, Эдвард. Однако происходящее отделено от ситуации, знакомой нам по роману, значительным периодом времени: «Сцена в доме Корделии, которую он встретил женой Эдварда. Там живет молодая девушка, существо, пока все происходит в доме Корделии, весьма утонченное» [5]. Перед нами еще один черновик «Дневника Обольстителя» или, возможно, его продолжения или видоизменения. В дневниках Киркегора отсылки к «Дневнику Обольстителя» наиболее заметны, поскольку это художественное произведение и стоит особняком в ряду других работ философа.

В дневниках Кафки также множество отсылок к создаваемым произведениям. Это, например, размышления об именах персонажей: «Имя «Георг» имеет столько же букв, сколько «Франц». В фамилии «Бендеман» окончание «ман» — лишь усиление «Бенде», предпринятое для выявления всех еще скрытых возможностей рассказа. «Бенде» имеет столько же букв, сколько «Кафка», и буква «е» расположена на тех же местах, что и «а» в «Кафка» [13]. В дневниках Кафки присутствуют также отрывки, которые впоследствии будут без изменения включены в тексты других произведений. Например, 14 ноября 1911 года Кафка делает запись, которая впоследствии будет включена в рассказ «Несчастье холостяка» 1913 года: «Перед сном. Как плохо быть холостяком, старому человеку напрашиваться, с трудом сохраняя достоинство, в гости, когда хочется провести вечер вместе с людьми, носить для одного себя еду домой, никого с ленивой уверенностью не дожидаться, лишь с усилием или досадой делать кому-нибудь подарки, прощаться у ворот, никогда не подниматься по лестнице со своей женой, болеть, утешаясь лишь видом из своего окна, если, конечно, можешь приподниматься, жить в комнате, двери которой ведут в чужие жизни, ощущать отчужденность родственников, с которыми можно пребывать в дружбе лишь посредством брака...» [13]. Существуют также образы, которые в дальнейшем в некотором изменении найдут отражение в его произведениях: так, запись от 14 июня 1914 года (« Однажды вечером я пришел из канцелярии домой несколько позже, чем обычно — один знакомый задержал меня внизу у ворот, — и открыл свою комнату, мыслями весь еще в разговоре, вертевшемся главным образом вокруг сословных вопросов, повесил пальто на крючок и хотел подойти к умывальнику, как вдруг услышал чужое прерывистое дыхание» [13]) считается зарисовкой к роману Замок, который будет закончен лишь семь лет спустя.

На структурном уровне тексты также сходны. Обращает на себя внимание их неоднородность, в тексты обоих дневников включены письма. В дневниках Киркегора, впрочем, они редко бывают выделены графически и часто могут восприниматься как продолжение рассуждений автора, однако обращение к адресату позволяет идентифицировать их. Несколько писем, включенные в дневники, также являются

зарисовками романа «Дневник обольстителя». Другие – продолжение повседневных рассуждений философа, и форма письма позволяет подвести определенные итоги на тот или иной период времени.

В дневниках Кафки его собственные письма встречаются крайне редко. Любопытно, что в феврале 1912 года, а это период рассвета дневникового творчества у Кафки, мы встречаем следующее замечание: «26 февраля. Сегодня напишу Леви. Письма к нему я буду переписывать сюда, потому что надеюсь ими достичь чего-нибудь:

Дорогой друг...», но уже на следующий день – «27 февраля. У меня нет времени дважды писать письма» [13].

Тем не менее, в периоды чрезвычайных душевных волнений Кафка все же использует дневники как «платформу» для написания писем. Так, именно на страницах дневника впервые возникает письмо, которое впоследствии будет отправлено отцу Фелици в 1913 году: «Я набросал следующее письмо к ее отцу, которое завтра отправлю, если буду в силах.

«Вы медлите с ответом на мою просьбу, это вполне понятно, любой отец поступил бы так по отношению к любому жениху, и я пишу совсем не из-за этого, самое большее, на что я надеюсь, — что Вы спокойно отнесетесь к моему письму...» [13]. Примечательно, что на создание этого письма повлияет «Книга судеб» Киркегора: сам Кафка отмечает несколькими строками ранее: «Сегодня получил книгу Кьеркегора «Книга судьи». Как я и думал, его судьба, несмотря на значительные различия, сходна с моей, во всяком случае, он на той же стороне мира. Он, как друг, помог мне самоутвердиться» [13].

Помимо непосредственно писем в дневниках частотны обращения. В тексте частного дневника Киркегора обращения к неведомому «ты» встречаются довольно часто. Адресаты иногда указаны, как, например, в случае одной из записей, сделанных в период с 27 января 1837 года по 2 июня (в начале этой тетради), когда автор восклицает: «Спасибо тебе, Лихтенберг, спасибо. Ты говоришь, что ничто так не обессиливает, как общение с так называемыми Литераторами от науки, которые думают не сами, а сквозь призму тысячи историко-литературных обстоятельств» [5].

Но зачастую невозможно определить, кого имеет в виду Киркегор под «ты». В некоторых случаях, мы можем предположить, что это обращение к Регине. Характерно, что в дневнике, написанном в период с 1841 по 1842 год, когда Киркегор, разорвав помолвку с Региной (10 октября), отправляется в путешествие, количество обращений к «Ты» значительно возрастет. Записи этого периода можно разделить на несколько групп – те, в которых Киркегор напрямую обращается к Регине, называя ее имя, те, где он не называет его, и те, где он говорит о ней в третьем лице. Тематика этих заметок тоже довольно

однородна. Киркегор размышляет, что Регине просятся многие грехи за ее любовь, говорит о своих чувствах.

Интересно также и то, что в этот же период становится больше записей от «первого» лица. Дело в том, что в самых ранних дневниках Киркегора, с 1834 по 1836 годы, «я» практически вообще нет в тексте. Отсутствие «я», с одной стороны, совершенно нетипично для дневника как жанра, предполагающего размышления о себе. С другой стороны, это объяснимо тем, что Киркегор изымал из своего дневника записи, которые представлялись ему наиболее личными. Петер П. Роде в книге «Киркегор сам о себе» замечает, что как автор дневника философ «не отличался тогда особым прилежанием (позднее он изменится в этом отношении), здесь больше поэтических раздумий, нежели заметок о реальных переживаниях. Создается впечатление, что в эти первые годы он избегал фиксировать действительные события своей жизни, узнаем мы о них лишь из лаконичных намеков в дневниках уже более поздней поры, зачастую несколько лет спустя. Нужно учесть, что нередко из дневников вырваны целые страницы, видимо в тех местах, где, как он полагал, он проявил излишнюю чистосердечность...» [17].

А с 1837 года впервые появляются записи «от первого лица» и, таким образом, повествование приобретает «личный» характер, а отстраненные философские размышления все более и более отходят на второй план.

У Кафки обращение к третьему лицу практически не встречается, что знаменательно, поскольку с одной стороны подтверждает, что дневники Кафки (как и многие его художественные произведения) не были созданы для дальнейшей публикации. Напротив, говоря о создании дневника он замечает: «Одно из преимуществ ведения дневника состоит в том, что с успокоительной ясностью осознаешь перемены, которым ты непрестанно подвержен и в которые ты, в общем и целом, конечно, веришь, догадываешься о них и признаешь их, но всякий раз именно тогда невольно отрицаешь, когда дело доходит до того, чтобы из этого признания почерпнуть надежду или покой. В дневнике находишь доказательства того, что даже в состояниях, которые сегодня кажутся невыносимыми, ты жил, смотрел вокруг и записывал свои наблюдения, что, таким образом, вот эта правая рука двигалась, как сегодня, когда ты благодаря возможности обозреть тогдашнее состояние, правда, поумнел, но с тем большим основанием ты должен признать бесстрашие своего тогдашнего стремления, сохранившегося, несмотря на полное неведение» [13]. То есть текст создается для себя будущего, для того, чтобы иметь возможность лучше понять себя, цели быть понятым потомками не ставится. Кафка не раз в записях отмечает, сколь необходим для него дневник, вместе с тем дневники Кафки – не секрет для его окружения. Он читает отрывки Макс Броду («Новогодье. Я собирался после обеда почитать Макс кое-что из

дневников, заранее радовался, но не сделал этого»), а в 1921 году передает свои дневники Милене Есенской – «15 октября. С неделю назад все дневники дал М. Немного свободнее? Нет» [13].

Итак, дневники Серена Киркегора и Франца Кафки – это тексты, которые во многом схожи как с точки зрения описываемого материала, так и с точки зрения внутренней структуры. Для исследователя дневники обоих авторов интересны представляют интерес в первую очередь тем, что позволяют глубже понять создаваемые произведения. Именно дневники позволяют выявить, что повлияло на создание произведений писателей, и, в частности, выявить влияние Серена Киркегора не только на творчество, но и на поступки Франца Кафки. Пристальное же внимание обоих к движениям мятущейся души, в первую очередь проявляющееся в дневниках, получило новый виток в сформировавшейся в XX веке философии экзистенциализма.

Выводы

Материалы дневников Ф. Кафки позволяют выявить то влияние, которое оказал на его творчество С. Киркегор. Дневники обоих авторов – это зачастую ключ к более глубокому пониманию их произведений. Это также пример записей, в которых сочетаются бытовые дневники и дневники-черновики.

Список литературы

1. Борхес Х. Л. Новые расследования, Амформа, 2007.
2. Гессе Г., Франц Кафка, <http://www.hesse.ru/books/articles/?ar=19>
3. Камю А., Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990.
4. Кафка Ф., Дневники – М.: Эксмо, 2009.
5. Киркегор С., Дневник обольстителя, М., Азбука-Классика, 2008.
6. Киркегор С., Несчастнейший. – М.: Библийско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2007.
7. Киркегор С., Страх и Трепет. – Л.: Советский Фонд Культуры, 1991.
8. Роде П.П., «Серен Киркегор сам о себе». – Екатеринбург: Урал LTD, 1998.
9. Hocke G.R. Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten: Motive und Anthologie. Limes: Fisher, 1991.
10. Hubben W. Dostoevsky, Kierkegaard, Nietzsche and Kafka: four prophets of our destiny New York, Collier Books, 1962, 1968.
11. Jurgensen J. Das Fiktional Ich (Untersuchungen zum Tagebuch). Bern und Munchen: Franckle Verlag, 1979. – 358 p.

12. Kirkegård S., Samlede værker, bind 2, 3, 5, 9, København, Gyldendal, 1998.
13. Kirkegård S., Dabbøger i udvalg 1834-1846, Borgen, Danske Klassikere Det danske Sprog- og Litteraturselskab 1992.
14. Kirkegård S., Dabbøger i udvalg 1846-1855, Borgen, Danske Klassikere Det danske Sprog- og Litteraturselskab, 1992.
15. Mallon T. A book of one's own people and their diaries. New York: Tickner and Field, 1984. – 314 p.
16. Muenzer C. S. A Kafkan reflection on Kierkegaard. "Auf der Galerie" and "Kritik der Gegenwart" in Wegberwiter der Moderne. Festschrift für Klaus Jonas by Helmut Koopman and Clark Muenzer, Tübingen: Niemeyer 1990.
17. Wuthenow R.R. Europäische Tagebücher. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1950. – 238 p.

Рецензенты:

Клинг О.А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой Теории Литературы Филологического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва;
Липгарт А.А., д.ф.н., профессор кафедры Английского языкознания Филологического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.